

БИРНБАУМ Х.

СЛАВЯНСКАЯ ПРАРОДИНА: НОВЫЕ ГИПОТЕЗЫ

(с заметками по поводу происхождения индоевропейцев)

Жаркие споры об этногенезе и древнейшей прародине славян, давно уже ведущиеся в различных областях славистики, пока не привели к окончательному решению загадки, которая, возможно, никогда и не будет разгадана.

В своих недавних работах я уже разбирал некоторые попытки внести ясность в вопрос о происхождении и древнейшей прародине славян и сопоставлял некоторые противоречащие друг другу аргументы, приводимые в рассмотренных мною исследованиях. Так, в сборнике памяти моего метод исключения, т. е. установления зон и регионов, которые по тем или иным причинам явно не могут рассматриваться как потенциальная прародина славян [1]. В настоящей статье я критически рассматриваю чetyре учителя Макса Фасмера я использовал в качестве исходной точки ре новые теории, предложенные в работах В. Манчака [2], З. Голомба [3], Ю. Удольфа [4] и О. Н. Грубачева [5].

В. Манчак провел количественное сравнение избранных славянских (древнецерковнославянских и среднеболгарских), балтийских (литовских) и германских (готских) текстов из Библии. Подсчет совпадений лексическими единицами индоевропейского происхождения в этих текстах показал, что таких совпадений между славянским и германским больше, чем между балтийским и германским; отсюда Манчак делает вывод, что славянский праязык был также и географически ближе к германскому, чем балтийский. Таким образом, здесь делается попытка подтвердить западную, или так называемую автохтонную, гипотезу славянской прародины, разработанную в первую очередь польскими учеными (впрочем, за некоторыми существенными исключениями), среди которых были Т. Лер-Сплавинский [6], а в недавнее время и Я. Налепя [7—9]. В. Манчак повторил свое мнение в серии последующих публикаций, из которых особенно внимания заслуживает его работа, посвященная древнепрусскому языку и прародине славян [10]. В этом исследовании польский лингвист, вновь прибегнув к количественному анализу лексики, проанализировал древнепрусскую, литовскую и польскую версии Малого катехизиса Мартина Лютера и установил, что лексические совпадения между польским и древнепрусским количественно превосходят польско-литовские в отношении 355 : 199. Как полагает Манчак, это подтверждает традиционную точку зрения на степень родства этих трех рассмотренных языков и является еще одним аргументом в пользу его мнения (а также мнения некоторых его польских коллег), в соответствии с которым исконная славянская прародина должна быть локализована скорее в бассейнах рек Одера и Вислы, чем в бассейне Днепра, если учесть, что древнепрусский язык традиционно считается основным (а в действительности единственным письменно

засвидетельствованным) представителем западной ветви балтийских языков, противопоставленной восточной ветви, представленной литовским и латышским языками.

Далее я остановился на взглядах Голомба, по мнению которого предки славян, наряду с предками балтийцев и германских племен, — иными словами, носители северной группы индоевропейских диалектов, — в древнейшие времена населяли области верхнего Днепра и Дона (во всяком случае они были первыми из засвидетельствованных в этом регионе). Голомб считает, что предшественники германской и балтийской этнических групп ушли затем оттуда прямо на запад, в направлении Балтийского моря (некоторые германские племена позднее пересекли его и поселились в Центральной и Южной Скандинавии), предки же славян, первоначально жившие на Верхнем Дону, двинулись в несколько ином направлении, а именно на юго-запад, по лесостепному поясу. В результате они оказались в Среднем Поднепровье и в области, непосредственно примыкающей к нему с запада, иначе говоря, в исторической Вольни. В связи с этим Голомб даже предлагает новую этимологию последнего топонима, возводя его корень к общеславянскому **vel-/*vol-* «управлять, господствовать». Именно здесь, на Среднем Днестре и прилегающем к нему с запада регионе, славяне оформились в особую этнолингвистическую общность. Поэтому территория на среднем течении Днестра и к западу от него, приблизительно совпадающая с современной Западной Украиной, должна, по мнению Голомба, считаться древнейшей прародиной славян. Вторжение пранских, в первую очередь скифских, племен в степи к северу и северо-востоку от Черного (и Азовского) моря не дало славянам возможности продвинуться дальше к югу и юго-западу, и потому дальнейшая их миграция шла в западном направлении: они пересекли Западный Буг и вошли в бассейн Вислы. Далее они продвинулись в сторону Одера, переправились через него и, наконец, достигли границы, образуемой течением рек Эльбы и Заале (а на севере даже перешли ее), ср. крайне западную территорию поселений славян-полабцев — на западном берегу Нижней Эльбы.

Если рассуждения Голомба основываются в первую очередь на данных лингвистики (особенно ономастики), но отчасти принимаются во внимание и природные, экологические условия для земледелия, животноводства, товарообмена и торговли и т. д. на рассматриваемых землях, то аргументация Удольфа строится фактически исключительно на данных гидронимии, отобранных и проанализированных им в высшей степени тщательно и искусно. Нужно заметить, что я не могу принять некоторые этимологии названий ряда крупных рек, предложенные Голомбом, в частности, что два варианта славянского названия Дуная (*Дунай/Дунае*) первоначально относились к Днестру, так же, как я не могу поддержать его попытку истолковать название Вислы (польск. *Wista*) как исконно славянское. Согласно Удольфу, мы можем сузить первоначальный ареал славянского расселения до границ исторической Галиции, иными словами, до территории к северу от Карпатских гор, ограниченной с запада Татрами, а с востока — Буковиной. Исходя из результатов своего основного исследования, в дальнейших работах Удольф рассматривает миграцию восточной ветви славян с их предположительно первоначального места жительства на обширные территории Европейской России и Украины (см. в особенности [11]). Концепция Удольфа, в основе которой лежит гипотеза Г. Краэ о древнеевропейской гидронимии, развитая и модифицированная учителем Удольфа В. П. Шмидом, в сущности недалеко от концепции Голомба, хотя и основывается на других методологических принципах и опи-

рается на иные факты истории и предыстории. Однако теория Удольфа, значительно отличающаяся от мнения ряда польских ученых, не получила всеобщего признания, и он ответил на эту критику в отдельной, более поздней работе [12].

Шмид считал, что древнеевропейская гидронимия распространилась на значительную часть Европы из балтийского региона. Удольф видит первоначальный ареал ее распространения более широким, включая в него и территорию с высокой концентрацией славянских гидронимов. Слово «древнеевропейский» он использует в смысле, прямо противоположном его употреблению М. Гимбутас и представителями ее школы: последние применяют термин «Древняя Европа» для древнего континента до проникновения несколькими волнами в Европу индоевропейцев, носителей курганной культуры.

Совершенно иную теорию происхождения и древнейшей прародины славян выдвинул советский этимолог и ономаст О. Н. Трубачев, хотя он так же основывает свою гипотезу на данных этимологии, топо- и гидронимии [5]. В своих теоретических рассуждениях советский лингвист затрагивает такие основные методологические понятия, как «прародина» и «взятие родины», а также синхронное моделирование праязыков в противоположность реконструкции реально употреблявшегося языка-предка и реально существовавшей языковой общности. Из современных теорий близкая лишь к взглядам австрийского слависта О. Кронштайнера, концепция Трубачева в основе своей отличается от рассмотренных выше гипотез, поскольку, согласно ей, первоначальное место обитания славян располагается к югу от Карпат (о сходных взглядах Л. Новака см. ниже). Если можно так выразиться, здесь реабилитируется утверждение составителя «Повести временных лет», по словам которого колыбелью славян был Средний и Нижний Дунай, где во время летописца были земли угров и болгар. В некотором смысле теория Трубачева также носит некоторый славяноцентрический оттенок, поскольку она подразумевает, что древнейшая прародина славян была в то же время местом прародины (или, во всяком случае, одним из мест прародины) индоевропейцев. В этом его идеи близки к точке зрения Манчака, который, однако, поместил славянскую и индоевропейскую прародину в другом месте, а именно — между Одером и Неманом. Таким образом, в отличие от мнения многих исследователей, занимающихся в настоящее время этими вопросами, Трубачев полагает, что индоевропейская прародина (хотя он и избегает термина «прародина», заменяя его более широкими и менее точными обозначениями) находилась где-то в Европе, точнее — в Карпато-Дунайском регионе, ограниченном Южными Балканами и современной Правобережной Украиной. Тем самым предполагается, что древнейшая славянская территория, которую возможно установить, находилась в самом или почти в самом центре древнейшей либо одной из самых древних территорий проиндоевропейцев. В конечном счете здесь имплицитно предполагается пространственно-временная индоевропейско-славянская непрерывность, которая делает ненужным предположение об отдельной промежуточной балто-славянской стадии развития. Эта теория отличается, таким образом, от других европоцентристских теорий, согласно которым прародина индоевропейцев располагалась в зоне к северу и к северо-востоку от Черного моря с ее археологической (курганной) культурой либо находилась на территории балтов или германцев — ср. соответствующие гипотезы Ф. Шпехта [13] и П. Тиме [14].

Признавая заслуги О. Н. Трубачева в том, что он ввел в научный оборот ряд проницательных соображений и тонких наблюдений, я не могу, од-

нако, полностью разделить основные положения его теории, по которой славяне вошли в тесный контакт с балтами лишь в относительно] позднее время, имея более ранние связи с германскими, кельтскими и итальянскими племенами (во всяком случае, с носителями латинского языка), а также с некоторыми из иллирийских племен. В статье «Пришли ли славяне из Паннонии?» («Kamen die Slaven aus Pannonien?»), готовящейся к публикации в сборнике, посвященном В. Хензелю, Удольф делает попытку доказать неверность ряда аргументов Трубачева, утверждая, что ни паннонская топонимия, ни отношения славянского к другим индоевропейским и неиндоевропейским языкам, ни древняя традиция, ни результаты археологических изысканий, ни гипотеза о центре славянских языковых инноваций в Паннонии не могут служить доказательствами паннонской прародины славян. Удольф остается при своем убеждении, что языковые, археологические и исторические данные, как и раньше, поддерживают точку зрения, по которой славянский язык сформировался к северу от Карпат, а потому славяне не могли происходить из Паннонии.

В другой работе, недавно опубликованной в сборнике, посвященном Ф. Славскому [15], а также более детально в статье в сборнике в честь А. де Винченца [16], где я обсуждаю роль Карпат в происхождении, развитии и распространении славянского языка, мною включена в анализ новая работа Л. Новака [17]. Последний рассматривает этногенез славян и формирование их праязыка с точки зрения, во многом близкой к взглядам Трубачева. В этих новых работах я хотел показать мое по-прежнему скептическое отношение к гипотезам, локализирующим славянскую прародину к югу от Карпат. Однако я могу согласиться с идеей, что славяне достаточно рано расселились в Карпатской области и вскоре достигли закарпатских территорий, и в этом мне близко мнение Удольфа о древнейшем заселении славянами северных склонов Карпат, а также еще более северных территорий. Напротив, Новак, как и Трубачев, полагает, что последняя «компактная» прародина славян находилась в Карпатах, сопредельном Среднем Подунавье, а также в некоторых других прилегающих к этим регионам местностях. Из этого первоначального ареала славяне, согласно Новаку, в дальнейшем продвинулись в результате сложных миграций в различных направлениях, где они встретились с новыми геоморфологическими условиями и где постепенно стали складываться отдельные славянские языки. Согласно Новаку, в недавней работе которого дается синтез его ранних идей и наблюдений по этой проблеме [18], а также приводится несколько новых доказательств, возникновение особой славянской этнической группы со своим собственным языком должно рассматриваться как следствие «монголизации» — лучше, вероятно, назвать ее алтаизацией — юго-восточной ветви балто-славян, живших по Днепру. Такое воздействие этнолингвистического суперстрата могло начаться с появлением гуннов в Понтийской степи в 375 г. н. э. Славяне как обособленная группа индоевропейцев были, согласно Новаку, вовлечены в евразийский языковой союз, ареал конвергенции, предположенный Якобсоном на чисто фонологических основаниях. Как известно, Якобсон постулировал существование этой обширной ареально-типологической группы языков, исходя из двух фонологических критериев: корреляции палатальных / непалатальных согласных и отсутствия просодических тоновых различий. Критика этой концепции, включающая также общую критику чисто «фонологических» языковых союзов, содержится в [19—23]. Новак также полагает, что корреляция передних/задних фонем появилась в формировавшемся славянском языке в результате

вхождения его в обширный языковой союз, что привело к противопоставлению палатальных/непалатальных согласных и передних/задних гласных. Это можно было бы считать предпосылкой позднераславянского слогового сингармонизма, постулировавшегося Якобсоном, но который, по-моему, справедливо критиковал Н. Ван-Вейк [24], см. также [25]. Согласно Новаку, указанная корреляция согласных была в дальнейшем устранена — частично в западнославянском и полностью в южнославянском. Крушение Аварского государственного образования с центром в Карпато-Дунайском регионе, где в то время находилось множество временно подчиненных аварам славянских племен, войсками Карла Великого в 790-х гг. было, по мнению Новака, причиной новых миграций (и переселения на места прежнего жительства) этнических групп, которые перешли из Восточного Закарпатья (с территории, в общем совпадающей с современной Трансильванией) в область Среднего Поднепровья. Позже из этих этнических групп сложились восточные славяне.

В связи с этим стоит упомянуть мнение Х. Ланта, который (следуя мысли О. Прицака) выделял роль аваров в формировании лишь ко времени их появления консолидировавшегося праславянского языка, языка, который понимали и на котором говорили на всей территории, заселенной славянами. Лант писал: «Историческое вторжение степных народов, главным образом аваров, между 500 и 750 гг., создало славянский *lingua franca*, который распространился по всей славянской территории и даже на новых землях вне ее, стирая особенности старых диалектов и языков. Этот новый, единообразный язык оставался очень стабильным в течение IX века, и до письменной фиксации древнецерковнославянского языка в нем начало формироваться лишь несколько новых изоглосс» [26]. Нужно добавить, что ученый из Гарварда несколько смягчает свое нетривиальное и смелое утверждение в двух примечаниях (с. 44 и 45), указывая, что особенности старых языков несомненно сохранялись во многих отдельных ареалах десятилетиями, если не веками. Важно отметить, что ни древнейшие тексты, ни современная диалектология не могут помочь реконструировать ни одно из этих древних различий. Следует также предположить, что единообразие фонологической и грамматической структур, а также и словаря не было абсолютным, однако различия эти были столь незначительны, что их действительно невозможно обнаружить. Лант предположил, что до 750 г. в языке славян не видно вообще никаких диалектных различий в области фонетики, тогда как в морфологии отличия были не большими, чем между древнецерковнославянским и древнерусским [27].

Гипотеза о «монголизации» (алтаизации) части балто-славян — а последняя общность и сама по себе остается в настоящее время дискуссионной — не представляется убедительной. Скорее мы можем предположить, что славяне выделились из более крупной позднейноевропейской диалектной группы (включавшей также предков балтийских и германских народов) в результате вторжения иранских (скифо-сарматских) племен в степи юго-восточной Европы и более западные сопредельные территории. Предки балтов и германцев не попали под иранское господство, и на их язык не повлиял иранский суперстрат, тогда как предкам славян посчастливилось не в такой степени. Тем не менее можно считать правдоподобной гипотезу об обратном движении, в результате разгрома походами Карла Великого Аварского государства, некоторых славянских группировок из Подунавья и Потисья к среднему течению Днепра и, по всей видимости, в более западные области, а позднее также в район Верхнего Днеп-

ра, первоначально заселенный балтами (см. [28]). Дополнительно о славянах, аварах и булгарах (протобулгарах) на Балканах и смежных северных территориях в раннем средневековье см. [29].

Здесь заслуживают упоминания работы еще двух ученых. Речь пойдет о смелой статье А. М. Шенкера, в которой ставится вопрос: были ли славяне в Центральной Европе до Великого переселения народов?, а также о ряде взаимосвязанных работ Х. Кунстманна, публикующихся в журнале «Die Welt der Slaven» с начала 80-х гг. и продолжающих выходить по сей день.

Шенкер [30], тщательно пересмотрев имеющиеся данные, отвечает на вопрос, вынесенный им в заголовок статьи, однозначно отрицательно. Он не разделяет мнения многих польских ученых, которые помещают «автохтонную» славянскую прародину в современной Польше или в бассейнах Вислы и Одера. При этом Шенкер дает превосходный обзор многих польских работ, освещающих эту проблему, не упоминая, однако, исследований некоторых авторов, в частности, Я. Налепы и В. Манчака. Славист из Йеля начинает свою статью с утверждения, что, в противоположность кельтским и германским племенам, славяне не появлялись на исторической арене вплоть до VI в. Более ранняя история славян неясна из-за молчания их соседей, немоты собственной устной традиции и ненадежности данных, представляемых археологией, этнографией, палеоботаникой, географией и другими нелингвистическими науками. Американский лингвист упоминает так называемый «аргумент бука», впервые сформулированный Й. Ростафинским [31]. Казалось, что этот аргумент исключает возможность западной прародины, однако позднее он был обесценен результатами пыльцового анализа, который показал, что столетия и даже тысячелетия тому назад восточная граница распространения бука проходила гораздо западнее, чем в настоящее время, а именно — по территории современной Восточной Германии (между Мекленбургом и Рудными горами) — последний факт не отмечен Шенкером. Эти данные позволяют включить как современную Польшу, так и часть ГДР в число возможных территорий славянской прародины. Далее Шенкер на примере цитат из Помпония Мелы и Плиния Старшего (I в. н. э.), пересказывавшего сообщение Корнелия Непота (I в. до н. э.), показывает, сколь мало достоверными можно считать сведения о предполагаемом морском путешествии «индийцев»(?) к германским берегам, в таком авторитетном научном справочнике, как «Słownik starożytności słowiańskich». В этом издании сообщение Плиния всерьез рассматривается как свидетельство морской торговли у славян (на самом деле у «индийцев», т. е. венецов, которые, видимо, неправильно идентифицируются со славянами) между Балтийским и Северным морями на рубеже старой и новой эры. В действительности же, как справедливо отметил Шенкер, нет оснований предполагать, что славяне достигали берегов Балтики в столь отдаленные времена. Например, кроме восходящего к праиндоевропейскому уровню слова со значением «море» (**móre*, ср. лат. *mare*), славяне, видимо, не имели ни одного собственного мореходного термина. (Заметим в скобках, что и само это индоевропейское слово считается относящимся к доиндоевропейскому субстратному слою.) Шенкер выдвигает убедительную гипотезу, по которой народом, с незапамятных времен обитавшим на южном и восточном побережье Балтийского моря, были *венеты*. Это подтверждается, наряду с другими фактами, латышским названием реки *Вента* и родственными ему топонимами *Вентспилс* и *Венден* (ныне *Цесис*) в Латвии. Ливонский летописец Генрих Латвийский (Henricus de Lettis,

XIII в.) в «Ливонской хронике» описывает безусловно неславянское племя виндов (*Vindi*), которые первоначально жили в Куронии, а затем в Ливонии. В этом контексте можно вспомнить также легендарный город Венета на о. Волин (в эстуарии р. Одер), могущественный славянский торговый город, который, как говорит предание, погрузился в море.

Поэтому есть все основания заняться интерпретацией названия *Ὀβενδικὸς κόλπος* — «Венетский залив» — у Птолемея (II в. н. э.), который с уверенностью считают частью Балтийского моря, точнее, отождествляют с Гданьским заливом. Тот факт, что название *венеты* (нем. *Wenden, Winden*) в дальнейшем использовалось немцами на пограничных территориях (Каринтия, Лужица, южное побережье Балтики) для обозначения славян, которые были их соседями в этих землях, сам по себе не удивителен. Сходный перенос названия, видимо, мог произойти также в случае с восточнославянским племенем *вятичей* (**Vet-*), которые, возможно, пришли на свою территорию с запада. Уже Цезарь (*De bello Gallico*, III.8) знал о мореходном искусстве венетов. Единственным, кто мог в то время потеснить венетов с их прежней территории, были балты. И действительно, балты двигались в западном направлении до реки Персанте в Померании и до западного берега Нижней Вислы. На территории к западу от этой небольшой реки до Нижнего Одера, а возможно, и на западном его берегу в более раннее время жило смешанное балто-славянское население (см. [32]). В этом контексте примечательно отсутствие общеславянского названия янтаря — самого ходового предмета на известном Янтарном пути, тянувшемся от южных берегов Балтики до северной Адриатики. Как хорошо известно, в балтийских языках есть собственное название этого товара, ср. русское заимствование из балтийских языков *янтарь* (литов. *giniāras*), тогда как в польском используется слово немецкого происхождения *bursztyń* (ср. нем. *Bernstein*). Более подробно о роли янтаря у балтов и о торговле янтарем, возникшей в балтийском ареале, см., например [33; 34 — *passim*; 35, 36].

Шенкер справедливо отвергает любые славянские этимологии топонима *Калиши* (*Kalisia* у Птолемея) и названий крупных рек — *Вислы* (известной некоторым античным писателям в форме *Vistula*), *Варты* и *Одера* (Одры). В этом отношении он также расходится с Голомбом. По мнению Шенкера, название польского города имеет скорее кельтское или, возможно, иллирийское происхождение — ср. корень **kal-*, имеющий рефлекс в латинском и романских языках. Для гидронима *Вистула* — *Висла* предполагалось германское или кельтское происхождение. Все эти названия рек, видимо, относятся к древнеевропейскому слою гидронимии, см. работу Удольфа о гидрониме *Варта* [37].

Шенкер по праву не верит в отождествление носителей так называемой лужицкой культуры (ок. 1300—1400 гг. до н. э.) с древнейшими славянами. Он также прав в своем скептицизме относительно любой этнолингвистической идентификации, основанной исключительно на данных археологии при отсутствии каких-либо подтверждений со стороны лингвистики. Более того, Шенкер отмечает, что даже при чисто археологическом подходе несомненно славянская керамика пражского типа гораздо примитивнее как с технической, так и с эстетической точки зрения, чем исполненная с большим искусством керамика лужицкой культуры и культур римского времени (в частности, керамика пшеворского типа). Следующее свидетельство против широкого распространения славян на территории современной Польши и восточной части ГДР Шенкер видит в том, что римляне, вероятно, ничего не знали о славянском населении.

за Эльбой и Дунаем в первые столетия нашей эры, хотя тысячи римских монет обнаруживаются на протяжении всего Янтарного пути. Поэтому американский ученый не разделяет мнения Ф. Дворника о том, что мы знали бы гораздо больше о славянах античного времени, если бы они, подобно своим кельтским и германским современникам, имели более тесные и прямые контакты с римлянами, которые, по мнению Дворника, жили по соседству со славянами. Шенкер полагает, что этого не могло быть: до времени Великого переселения народов славяне не жили оседло в Центральной Европе. Ни одно из сообщений авторов I и II вв. н. э. о странах Центральной Европы не содержит таких недвусмысленных свидетельств о славянах, какими мы располагаем в случае с кельтами, различными германскими племенами и даже с балтами, — достаточно обратиться к сочинениям Тацита и Цезаря. Наряду с этим ни в одном из греческих и латинских источников не приводятся слова, могущие считаться либо несомненно славянскими по происхождению, либо дошедшими до нас в славянской языковой форме. Шенкер думает, что скудные сведения о расселении славян до V—VI вв. показывают, что в то время славяне жили в районе Среднего Поднепровья. Лишь в последующие века они вышли за пределы этой территории, достигнув Центральной Европы и, с другой стороны, Балкан. Мысль, что славяне жили на Висле, Одере и Эльбе до начала нашей эры, не что иное, как попытка выдать желаемое за действительное, она выражает романтическое стремление западных славян, в первую очередь поляков, найти свои корни на собственной родине, чтобы не отличаться от более удачливых в этом отношении западных соседей. Система рассуждений Шенкера о расположении древнейшей прародины славян не очень далека от гипотезы Голомба, хотя между их точками зрения есть и существенные различия; взгляды Шенкера близки также и моим, высказанным ранее [38].

Напротив, значительно отличаются от соображений Шенкера некоторые мысли, недавно высказанные немецким славистом Х. Кунстманном. В ряде статей Кунстманн утверждает, что славяне расселялись на современные и исторически засвидетельствованные территории с Балкан, точнее, с Южных Балкан. Взгляды Кунстманна, таким образом, несколько сходны с гипотезой, развиваемой Трубачевым и, в некотором отношении, также и Новаком, хотя, в отличие от этих авторов, немецкий ученый ищет отправную точку славянских миграций гораздо южнее. Здесь нет ни необходимости, ни места для подробного рассмотрения идей Кунстманна, отдельные из которых, особенно на первый взгляд, кажутся причудливыми. Однако нужно сказать, что большинство из его гипотез разработано с большим искусством и основывается на глубоком изучении соответствующих источников. Прекрасно аргументированы многие из содержащихся в статьях Кунстманна толкований славянских этнонимов, а также севернославянских (т. е. отмеченных к северу от Карпат и Судет) топонимов и антропонимов. Необходимо, однако, заметить, что у меня, как, несомненно, и у других специалистов, остаются сомнения относительно корректности и надежности отдельных ономастических сравнений Кунстманна. Я имею в виду такие сопоставления, как *Руса* (в настоящее время Старая Русса), *Русь*: *Ra(g)usa*, *Ra(g)usium* [39, с. 105—109], или случай с *Новгородом*, в названии которого исследователь видит антоним к «старому городу» (*Стариграду* — это название он относит к Эпидавру; см. [39, с. 112—113]). Трудно не восхититься богатством ономастических данных, отобранных и истолкованных немецким ученым, не говоря уже о внутренней последовательности его рассуждений. Здесь мы можем

здать себе вопрос, достигают ли его аргументы цели в доказательстве (южно-)балканской локализации прародины славян, и с некоторым удивлением ответить на него негативно. Когда несколько лет назад я спросил Кунстманна, какого он мнения по этому поводу, то получил ответ, что он вообще очень скептически относится к понятию «славянская прародина». Кунстманн предполагает, что, скорее, первоначально было множество полукочевых этнических групп или племен, занимавших относительно небольшие территории. Эти ограниченные племенные ареалы, согласно Кунстманну, первоначально не располагались на Балканах, т. е. к югу от того ареала, где помещает прародину Трубачев и где ранее предположительно жили иллирийцы. Славяне не проникали в глубь Балканского п-ова до 550 г. до н. э., когда они прорвались через римскую линию обороны, шедшую вдоль Дуная. С этой проблемой тесно связан вопрос о числе людей, участвовавших в этих миграциях. Кунстманн отметил, что он не верит в «огромные массы народа», которые видятся современной науке, черпающей данные из исторических источников более позднего времени. По мнению Кунстманна, эти этнические объединения не могут рассматриваться даже в качестве племен (*gentes*, известных нам из поздней античности), а были скорее всего большими родами или кланами. Он утверждает, что в этом и заключается причина того, что археологические находки доисторических славянских древностей столь спорадичны, а отчасти и дискусионны.

Если мы предположим, что не более 30—40 тыс. мужчин могли носить оружие во время древнейшей фиксации славянской истории, то можно было бы оценить общее число говоривших на славянском языке в тот период приблизительно в 200 тыс. человек. Ср. в связи с этим расчеты известного венского медиевиста Г. Вольфрама, согласно которому единовременное число готов было около 100 тыс. человек, среди них не более 15—20 тыс. воинов [40]. Чарнецкий [41] также предполагает небольшое количество готов в период их древнейшей миграции из Скандинавии на территорию современной Польши. Итак, согласно Кунстманну, Балканы были лишь территорией, на которой малые славянские группировки временно обитали более или менее длительный период. Он предполагает также (с меньшими, как мне кажется, основаниями), что в балканском регионе, по крайней мере недолго, жило также небольшое число балтов. Кунстманн видит в сербах (сорбах), хорватах и болгарях, когда-то живших в Саксонии и соседних землях, иммигрантов с Балкан — эту гипотезу поддержал археолог из ГДР И. Херрманн [42], а хорватский историк Н. Клаич (его работа готовится к печати) всерьез рассматривает ее в своем исследовании. Эти ученые понимают, что старое мнение об однократном переселении славян с севера на юг уже не может считаться приемлемым и должно быть дополнено признанием перемещения славянских этнических групп и с юга на север. Дальнейшей разработке этой гипотезы посвящена и последняя статья Кунстманна: он считает, что славянское население Северной и Центральной Германии происходило с Балкан [43].

Как видно из приведенных выше доказательств сложного характера славянских миграций, новая картина древнейших доступных для исследования периодов славянской истории не обязательно должна быть вариантом концепций, защищаемых Голомбом или Шенкером. В связи с этим можно упомянуть славянское племя *миллингов* на Пелопоннесе (см. [44]), название которых, как полагал З. Штибер, видимо, отражено в топониме *Млѣндз* (*Mładz*: деревня близ Варшавы) [45]. Однако вопреки

мнению Штибера, польский топоним не обязательно должен считаться расположенным на территории славянской прародины.

Что касается соображений Кунстманна о численности ранних славян, то, как мне кажется, низкие цифры, указываемые им, действительно могут относиться к славянским кланам и мелким племенам, занимавшим незначительные пространства. Однако сказанное вряд ли касается славян времени, непосредственно следовавшего за Великим переселением народов, когда славяне были распространены на обширных пространствах — от Греции (в ней славяне жили на Пелопоннесе и даже некоторое время на островах в Эгейском море) до Восточных Альп и Богемии, от Эльбы, Заале и Балтийского побережья до озер Чудского, Ильменя и Ладожского (редкие поселения славян были и на берегах Финского залива) и до Верхнего Поволжья и Поочья. Следует далее отметить, что в своем детальном исследовании славянских вторжений на Балканы и судьбы славянских племен в этом регионе в первых веках н. э. Дж. Файн [29, с. 25—93] часто напоминает об отсутствии каких-либо прочных политических объединений у славян в эпоху аварского господства и подчеркивает, что различные славянские группы впервые образовали значительное военно-политическое объединение лишь в виде Первого болгарского царства (во главе которого стояло алтайское племя протоболгар). Однако американский ученый также ставит под сомнение высокую численность славян на Балканах в ту эпоху. На самом деле, расселившись на обширных пространствах далеко от исходного пункта, славяне не образовали непрерывного пространственного континуума. Речь идет не только о разделении южных и северных славян другими этническими группами — германцами, подвижным романским населением не совсем ясной принадлежности, а также вторгшимися венграми (мадьярами), но и о частичном сохранении остатков различных индоевропейских народов, отчасти ассимилированных или истребленных славянами (фракийцы, иллирийцы и веныты), а также о различных группах алтайских народов, в первую очередь аварах. Не надо также забывать, что большие территории были в то время безлюдными либо имели редкое население — огромные леса, болота и в особенности горные местности. Тем не менее после этих дальних переселений и волн экспансии число славян достаточно рано должно было превзойти предполагаемое Кунстманном. Доказательством этого служит, несомненно, и то, что во время Моравской миссии Константина Кирилла и Мефодия в 860—80 гг. н.э. мы видим в большей степени однородный язык у всех славян, поскольку македонско-болгарский диалект солунских братьев был легко понятен как в Центральной Европе (Богемия — Моравия — Паннония), так и на Руси; в это же время славяне, видимо, обладали высокой степенью сознания своего этнического, если еще не национального, единства. Действительно ли разгадка этого единообразия заключается в роли аварского владычества, под гнетом которого объединившиеся славянские племена подверглись взаимной ассимиляции, как это предполагал Лант?

В заключение несколько мыслей по поводу этногенеза и прародины славян. Как я писал в других работах [46, 47], дивергентные и конвергентные процессы в языковом развитии не только чередуются во времени, но могут происходить и одновременно. Это относится не только к исторически засвидетельствованным фазам развития различных языков, но в равной степени верно и в отношении доисторических стадий языкового развития, неполно, в гипотетическом виде обнаруживаемых средствами реконструкции — как внешней (сравнительной), так и внутренней. Разу-

меется, то же можно сказать про возникновение и становление праязыков — как праславянского (общеславянского), так, по всей видимости, и праиндоевропейского. Остановимся на проблеме языков, наиболее близких к славянским. Я согласен с мнением, ранее высказанным Б. В. Горнунгом [48] и В. К. Журавлевым [49], что западнобалтийский язык, вернее, его предок (из которого развился древнепрусский язык), видимо, был ближе к формировавшемуся тогда славянскому, чем к предшественнику восточнобалтийских языков (ныне представленных литовским и латышским языками). Лишь позднее западнобалтийская языковая общность (или, вернее, западнобалтийская изоглоссная зона) вновь подверглась конвергенции, сблизившись с предбалтийскими (pre-Baltic), в результате чего образовалась обладающая яркими отличительными чертами и в то же время в высшей степени архаичная балтийская группа индоевропейской семьи языков. Что касается родства балтийских и славянских языков, то, по моему теперешнему мнению, за эпохой балто-славянской языковой общности — точнее, предбалто-славянской, т. е. части диалектно раздробленного индоевропейского праязыка — последовала эпоха дивергентного развития. Во время этой фазы эволюции балтийский и в особенности славянский независимо друг от друга вступали на некоторое время в конвергентные отношения с другими индоевропейскими языковыми группами, в дальнейшем же сблизились вновь и начали сильно влиять друг на друга. Последний период взаимовлияния приходится, по крайней мере, частично, на эпоху письменной фиксации славянского, в балтийском же он протекал в дописьменную пору, окончившуюся лишь к 1400 г. с появлением первых древнепрусских текстов (более подробную аргументацию по этому вопросу см. в [47, с. 7—10]).

Я не считаю, что индоевропейский праязык возник во время распада первичного человеческого языка: он также является продуктом предшествующего дивергентно-конвергентного развития. Эта точка зрения поддерживается все возрастающим числом указаний на то, что праиндоевропейский как целое отдаленно родственен другим языковым семьям Евразии и Северной Африки в рамках более широкого объединения, известного в качестве ностратической макросемьи языков и народов. В этой области исследований большой успех был достигнут в результате улучшения комплексного метода реконструкции, известного под названием «внешнее сравнение», которое использует генетические и типологические критерии сравнения и сопоставления языков. В частности, работа в этой области ведется группой советских ученых, возглавляемых В. А. Дыбо, продолжающей пионерские работы В. М. Иллич-Свитыча, а с недавнего времени и в США группой американских лингвистов под руководством В. В. Шеворошкина. Несмотря на резкую критику подхода Н. С. Трубецкого к «индоевропейской проблеме» [50], я склонен думать, что он был на верном пути — см. также [51, 52].

Что касается проблемы происхождения славян и мест их древнейшего расселения, то представляется возможной — по крайней мере, в некоторых отношениях — комбинация некоторых идей, высказанных в последние годы Голомбом, Удольфом, Трубачевым, Шенкером, Лантом и Кунстманном. Возможно, что этнические группы, идентифицируемые в качестве славянских, впервые появились в виде небольших родовых объединений в Среднем Поднепровье и смежных регионах, простиравшихся до северных склонов Карпатских гор. Их предки, которых еще нельзя считать славянами, в более раннее время также могли жить на Верхнем Дону либо в сопредельных регионах. С территории, примерно совпадаю-

щей с современной Правобережной Украиной, часть славян (но определенно не все они) позднее, видимо, перешла по различным перевалам через Карпаты либо обошла эту горную цепь, достигнув в результате Среднего Подунавья, и вскоре двинулась дальше на юг. Лишь во время владычества аваров (вероятно, смешиваясь или в союзе с ними) славяне сложились в относительно монолитную и весьма единообразную этнолингвистическую группу. Именно с Балкан и территорий, непосредственно примыкавших к ним с севера, многочисленные славяне (после их совместных с аварами неудачных набегов на Византию и даже в большей степени после разгрома аваров войсками Карла Великого в 790 г.) вновь двинулись к северу. Точнее говоря, они двигались теперь по двум направлениям: на северо-восток, иными словами, из бассейнов Дуная и Тисы на территорию современной Западной Украины, заселив впоследствии часть Европеейской России, а также на северо-запад, в современную Чехословакию, Польшу, Центральную и Северную Германию. Несколько загадочное легендарное государство середины VII в. Само, возможно, не было столь обширным, как это предполагалось, центр же его находился дальше к западу, где-то в Восточной Франконии и на крайнем севере Баварии, в верховьях Майна. Это государство, видимо, было эфемерным, периферийным славянским объединением, возникшим в пространстве между франкской и аварской сферами влияния (см. [53—55]).

Различение первичных и вторичных прародин конкретных этнолингвистических групп, которое предлагает, например, М. Гимбутас [56] в случае с индоевропейцами, может быть по аналогии перенесено на славян: их первичная, древнейшая прародина была на Среднем Днепре и в Правобережной Украине, а вторичная славянская прародина находилась на Балканах и в Среднем Подунавье, где они жили бок о бок с аварами. Идея существования первичной прародины, отличной от вторичных, может также помочь в объединении таких противоположных точек зрения, как, с одной стороны, археолога М. Гимбутас и некоторых лингвистов, поддерживающих ее концепцию, среди которых можно назвать У. П. Леманна [57—58] и А. Мартине [52, в особенности с. 18—20], и, с другой стороны, лингвистов Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. Регион Понтийских степей с их курганной культурой, рассматриваемый Гимбутас (см., в частности [59], а также более ранние ее исследования, в особенности [60]), в действительности может рассматриваться как место вторичной — а не первичной, как считает Гимбутас — прародины индоевропейцев. Таким образом, первичная прародина индоевропейцев могла в действительности располагаться на Ближнем Востоке, где-то между Кавказом и Месопотамией, или, возможно, в более точечном регионе внутри этой области, как это было предложено советскими лингвистами (см. [61—63]), и в первую очередь в их капитальном труде [64] (в особенности с. 857—957). Разумеется, учитывая то, что было сказано выше, ближневосточный индоевропейский ареал также можно считать лишь частью территории, которую занимали носители языков прединдоевропейской ностратической макросемьи.

Британский археолог К. Ренфрю, отрицающий, как и Трубачев, (на методологических основаниях) само понятие «древнейшей прародины», отыскиваемой по данным лингвистики, в недавней дискуссионной книге «Об археологии и языке» высказал мнение, по крайней мере в одном отношении близкое к точке зрения Гамкрелидзе и Иванова, предположив, что «приблизительно до 6000 г. до н.э. в восточной части Анатолии, а также в соседних землях к востоку и юго-востоку и, возможно, нигде больше

жили люди, говорившие на языках (sic), бывших предками всех современных индоевропейских языков» — см. [65, с. 266, 272 и 288], а также [65, с. 75—98, гл. «Проблема прародины»). В связи с этим пужно заметить, однако, что Анатолия (или по крайней мере, ббольшая ее часть) традиционно считается местом, где первоначально индоевропейцы не жили, даже если они и переселились сюда в очень раннюю эпоху. Свидетельство тому — данные хеттского языка, письменные памятники которого датируются периодом от 1900 до 1200 гг. до н.э.: хеттский показывает большие отклонения от предполагаемого индоевропейского языкового типа и содержит значительные следы неиндоевропейского субстрата. Между названными выше гипотезами Ренфрью и, с другой стороны, Гамкрелидзе и Иванова есть еще одно важное различие, касающееся хронологии праиндоевропейского языка: по Ренфрью, его возраст на два тысячелетия или более того старше, чем по мнению Гамкрелидзе и Иванова.

Разумеется, М. Гимбутас помещает вторичную индоевропейскую прародину в Центральную Европу, куда часть индоевропейцев переселилась, по ее мнению, из первичных мест проживания в Понтийских степях и из прилегающих земель Нижнего Подунавья. Однако ничто не подтверждает предположения, что предки греков явились на свою историческую родину по обе стороны Эгейского моря и расселились по Архипелагу, пройдя вдоль северных берегов Черного моря, а не прямо через Анатолию, которая, однако, как это видно из данных хеттского языка, попавшего под сильное влияние субстрата, не была первоначальной индоевропейской территорией (см. также мой разбор догреческого индоевропейского субстрата на Южных Балканах и в Архипелаге [66]). Я убежден, что еще менее вероятна гипотеза о древнейшей индоевропейской прародине в бассейне Дуная, выдвинутая И. М. Дьяконовым [67] и, видимо, разделяемая О. Н. Трубачевым. По мнению последнего, славяне также происходят из центрального индоевропейского региона — см. [5]. Исходя из другой линии рассуждений, также и В. Манчак [68] неубедительно пытается доказать, что первоначально славяне и балты жили между Одером и Неманом, на территории, которая была, по его мнению, частью индоевропейской прародины.

Перевел с английского *Николаев С. Л.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Birnbaum H.* Weitere überlegungen zur Frage nach der Urheimat der Slaven // ZSLPh. 1986. V. 46.
2. *Mańczak W.* Praojczyzna Słowian. Wrocław, 1981.
3. *Gołab Z.* The ethnogenesis of the Slavs in the light of linguistics // American contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, 1983. Vol. 1: Linguistics. Ohio, 1983.
4. *Udolph J.* Studien zu den slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979.
5. *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // ВЯ. 1982. № 4, 5. (=Linguistics and ethnogenesis of the Slavs: The ancient Slavs as evidenced by etymology and onomastics // The journal of Indo-European studies. 1985. V. 13).
6. *Lehr-Splawiński T.* O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946.
7. *Nalepa J.* Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Podstawy jebnosci i jej rozpad. Lund — Poznan, 1967—1968.
8. *Nalepa J.* Miejsce uformowania się Prasłowiańszczyzny // Slavica Lundensia. 1973. V. 1.
9. *Nalepa J.* Dezintegracja Prasłowiańszczyzny i Słowiańszczyzny północno-zachodniej // Slavica Antiqua. 1973. V. 20.
10. *Mańczak W.* Język staropruski a praojczyzna Słowian // Acta Balto-Slavica. 1986.
11. *Udolph J.* Die Landname der Ostslaven im Lichte der Namenforschung // Jahr-

- bücher für Geschichte Osteuropas. 1931. V. 29.
12. *Udolph J.* Kritisches und Antikritisches zur Bedeutung slavischer Gewässernamen für die Ethnogenese der Slaven // ZSLPh. 1985. V. 45.
 13. *Specht F.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944—1947.
 14. *Thieme P.* Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache. Wiesbaden, 1953.
 15. *Birnbaum H.* Jeszcze raz o praoczyźnie Słowian // Slawistyczne studia językoznawcze. Festschrift F. Sławski. Wrocław, 1987.
 16. *Birnbaum H.* Die Karpaten als Faktor in der Entstehung, Entwicklung und Verbreitung des Slawischen // Kultur- und Sprachkontakte des Slawischen. Festschrift V. de Vincenz.
 17. *Novák L.* Vznik Slovanov a ich jazyka (Základy etnogenézy Slovanov) // Slavica Slovaca. 1984. V. 19.
 18. *Novák L.* Slovenské a podkarpatoruské nárečia vo svetle európskej fonetickej geografie. Synchrónické a diachronické poznámky k porovnávacej jazykovede stredoeurópskej // Linguistica Slovaca. 1939—1940. V. 1—2.
 19. *Birnbaum H.* Balkanslavisch und Südslavisch: Zur Reichweite der Balkanismen im südslavischen Sprachraum // Zeitschrift für Balkanologie. 1965. Bd. 3. S. 15—17.
 20. *Бирнбаум Х.* Славянские языки на Балканах и понятие так называемых языковых союзов // Glossa. 1968. V. 2. P. 71—72, 89—90.
 21. *Birnbaum H.* Typology, genealogy, and linguistic universals // Linguistics. 1975. V. 144. P. 12.
 22. *Birnbaum H.* // Studies in language. 1981. V. 5. P. 403—404. Rec.: *Solta G. R.* Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen.
 23. *Birnbaum H.* Tiefen- und Oberflächenstrukturen balkanlinguistischer Erscheinungen // Ziele und Wege der Balkanlinguistik / Hrsg. von Reiter N. Berlin-Wiesbaden, 1983. S. 45—46.
 24. *Wijk N. van.* Zum urslavischen sogenannten Synharmonismus der Silben // Linguistica Slovaca. 1941. V. 3.
 25. *Журавлев В. К.* Наука о праславянском языке: Эволюция идей, понятий и методов // *Бирнбаум Х.* Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции / Под ред. Дыбо В. А., Журавлева В. К. М., 1987. с. 482—484.
 26. *Lunt H. G.* Slavs, Common Slavic, and Old Church Slavonic // Litterae Slavicae mediae aevii. Festschrift F. V. Mareš / Ed. by Reinhart J. München, 1985. P. 203.
 27. *Lunt H. G.* On Common Slavic // Zbornik Matice srpske za filologiju i linguistiku. Festschrift M. and P. Ivic. 1984—1986. V. 27—28. P. 420.
 28. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
 29. *Fine J. V. A., Jr.* The early medieval Balkans: A critical survey from the sixth to the late twelfth century. Ann Arbor, 1983. P. 29—113.
 30. *Schenker A. M.* Were the Slavs in Central Europe before the Great Migrations? // International journal of Slavic linguistics and poetics. 1985. V. 31—32 (= Slavic linguistics, poetics, cultural history. Festschrift H. Birnbaum / Ed. Flier M. S. and Worth D. S.).
 31. *Rostański J.* O pierwotnych siedzibach gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie. 1908. V. 13/3.
 32. *Birnbaum H.* Indo-Europeans between the Baltic and the Black Sea // The journal of Indo-European studies. 1984. V. 12. P. 236—242.
 33. *Gimbutas M.* Gintaro keltai priešistoriniais laikais // Aidai. 1953. V. 6(62).
 34. *Gimbutas M.* Die Balten. Volk im Ostseeraum. München, 1983.
 35. *Gimbutas M.* East Baltic amber in the fourth and third millennia B. C. // Journal of Baltic studies. 1985. V. 16.
 36. *Gimbutas M.* Studies in Baltic amber // Quarterly review of archaeology. 1986. V. 7.
 37. *Udolph J.* Der Name der Warta / Warthe und die germanisch-slavischen Beziehungen // Etnolingwistyczne i kulturowe związki Słowian z Germanami. Wrocław, 1987.
 38. *Birnbaum H.* The original homeland of the Slavs and the problem of early Slavic linguistic contacts // The journal of Indo-European studies. 1973. V. 1. № 4.
 39. *Kunstmann H.* Woher die Russen ihren Namen haben // Die Welt der Slaven. 1986.
 40. *Wolfram H.* Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnografie. München, 1979. S. 280—281 und Anm. 39; S. 325—326 und Anm., 18; S. 450.
 41. *Hzarnecki J.* The Goths in Ancient Poland. Coral Gables (Florida), 1975.
 42. *Eerrmann J.* Einwanderung und Herkunft der Stammesgruppen // Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch. Neuauflage / Ed. by Herrmann J. Berlin, 1985. S. 26—27.

43. *Kunstmann H.* Beiträge zur Geschichte der Besiedlung Nord- und Mitteleuropas mit Balkanslawen. München, 1937.
44. *Birnbaum H.* Noch einmal zu den slavischen Milingen auf der Peloponnes // Festschrift für Herbert Bräuer zum 65. Geburtstag / Ed. by Olesch R. and Rothe H. Köln-Wien, 1986.
45. *Stieber Z.* O nazwie wsi Mładz pod Warszawą // Wiener Slavistisches Jahrbuch.
46. *Birnbaum H.* О двух основных направлениях в языковом развитии // ВЯ. 1985.
47. *Birnbaum H.* Divergence and convergence in linguistic evolution // Papers from the 6-th International conference on historical linguistics / Ed. by Fisiak J. Amsterdam — Poznań, 1985. P. 7—10.
48. *Горюнов В. В.* Из предистории образования общеславянского языкового единства // V Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. София, сентябрь 1963 г. М., 1963.
49. *Журавлева В. К.* Еще раз о предмете, целях и задачах науки о праславянском языке // Язык и человек. Сборник памяти П. С. Кузнецова. М., 1970.
50. *Trubetzkoy N. S.* Gedanken über das Indogermanenproblem // Acta linguistica. 1939. V. 1. (= Die Urheimat der Indogermanen. Darmstadt, 1968).
51. *Baudouin de Courtenay H. A.* О смешанном характере всех языков // ЖМНП. 1901. Т. 337. (On the mixed character of all languages // A Baudouin de Courtenay Anthology: The beginnings of structural linguistics. Bloomington — London, 1972).
52. *Martinet A.* Des steppes aux océans. L'indo-européen et les «indo-européens». P., 1986. P. 20.
53. *Kunstmann H.* Was besagt der Name Samo, und wo liegt Wogastisburg? // Die Welt der Slaven. 1979. V. 24.
54. *Kunstmann H.* Samo, Dervanus und der Slovenenfürst Wallucus // Die Welt der Slaven. 1980. V. 25.
55. *Kunstmann H.* Wo lag das Zentrum von Samos Reich? // Die Welt der Slaven. 1984.
56. *Gimbutas M.* Primary and secondary homeland of the Indo-Europeans: Comments on the Gamkrelidze — Ivanov articles // The journal of Indo-European studies. 1985.
57. *Lehmann W. P.* Proto-Indo-European syntax. Austin — London, 1974. P. 251.
58. *Lehmann W. P.* Linguistic and archaeological data for handbooks of Proto-Languages // Proto-Indo-European: The archaeology of a linguistic problem. Studies in honor of Marija Gimbutas. / Ed. by Skomal S. N. and Polomé E. Washington, D. C., 1987.
59. *Gimbutas M.* Remarks on the ethnogenesis of the Indo-Europeans in Europe // Ethnogenesis europäischer Völker / Ed. by Bernhard W. and Kandler-Pálsson A. Stuttgart — New York, 1986. P. 5—20.
60. *Gimbutas M.* An archaeologist's view of PIE in 1975 // The journal of Indo-European studies. 1974. V. 2.
61. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. № 3. (= The ancient Near East and the Indo-European question: Temporal and territorial characteristics of Proto-Indo-European based on linguistic and historico-cultural data // The journal of Indo-European studies. 1985. V. 13.
62. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 1981. № 2. (= The migrations of tribes speaking the Indo-European dialects from their original homeland in the Near East to their historical habitations in Eurasia // The journal of Indo-European studies. 1985. V. 13.
63. *Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V.* The problem of the original homeland of the speakers of Indo-European languages (in response to I. M. Diakonoff's articles...) // The journal of Indo-European studies. 1985. V. 13.
64. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. I—II. Тбилиси, 1984.
65. *Renfrew C.* Archaeology and language: The puzzle of Indo-European origins. L., 1987. P. 266, 272, 288.
66. *Birnbaum H.* Pre-Greek Indo-Europeans in the Southern Balkans and the Aegean // The journal of Indo-European studies. 1974. V. 2. № 4.
67. *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3. (= On the original home of the speakers of Indo-European // The journal of Indo-European studies. 1985. V. 13).
68. *Mayczak W.* Le problème de l'habitat primitif des indoeuropéens // Folia linguistica historica. 1984. V. 5.